
Валерий Подорога

Власть и сексуальность

(тема диспозитива у М. Фуко)

Наброски и комментарии

ЧТО ТАКОЕ ДИСПОЗИТИВ, *DISPOSITIF*?

1. Не отличаясь простотой и наглядностью, понятие *диспозитива* многие годы обсуждается Фуко в режиме уточняющих определений. Прежде всего, это *устройство* (*dispositif*), но и *дис-позиция* (*dis-position, dis-positio*), рас-положение, «занять диспозицию», это также и *аппарат*¹, определенного вида *машина* или даже «машинерия» (близкая «зеркальному лабиринту», описание которого можно найти в ранней книге Фуко «Раймон Руссель»)². В разное время и с разным успехом Фуко использовал все эти перечисленные понятия. Диспозитив – это не только *что*, но и *как*, не только то, что *есть*, что «прямо перед нами», что мы наблюдаем, но и то, с помощью чего мы мыслим, если угодно, – это *метод*. Диспозитив – идеальная точка мысли, орудие, оно позволяет исследовать не только «безумие», «заклучение» или «сексу-

¹ Понятие *аппаратов государства*, введенное некогда Л. Альтюссером, учителем М. Фуко.

² Ср.: «...машины Русселя отождествляются с методом...» (*Foucault M. Raymond Roussel. P.: Gallimard, 1963 (1992), p. 75*). См. русское издание: *Фуко М. Раймон Руссель. Locus Solus / Пер. с фр. Е. Маричева. Киев: «Ника-Центр», 2000.*

альность», но и всякую неупорядоченную (сингулярную) множественность социальных объектов, процессов, тел и сил. У фукианского диспозитива много общего с понятиями, которые уже долгое время обращаются в мировой литературе (принцип «индивидуации» А. Шопенгауэра, «архетип» К. Юнга, «гештальт» Э. Юнгера, «бриколаж» Леви-Строса, «коллаж» А. Бретона и т.д.).

2. В 70-х годах Фуко выделяет в толковании диспозитива одно из его решающих качеств: отношение *власти/господства*. Диспозитив, если сказать несколько иначе, это *власть-в-действии*, или всякая власть в момент действия диспозитивна. Вот что пишет Фуко: «Диспозитив власти как инстанция-продуциент дискурсивной практики». И чуть далее следует проблематизация: «... не являются ли, по сути дела, именно устройства, диспозитивы власти – с учетом того таинственного и еще не исследованного, что содержится в слове “власть”, – той самой точкой, к которой нужно возводить формирование дискурсивных практик?»³ На переднем плане модель *видимости* – функция наблюдения и надзора: реализация властного отношения покрывалась отношениями между статусом наблюдения и наблюдаемым. Высшая власть переходила из сферы демонстрации видимых знаков мощи, ненависти и мести в неясную сферу тотального дисциплинарного контроля; она перестала быть «на свету дня». Начиная с «Воли к знанию» (1976) стратегия исследования Фуко отчасти меняется. Появляется в качестве объекта исследования иное отношение: *власть – сексуальность*. Каким образом власть могла проникнуть и закрепиться в человеческих телах, создать плацдарм для управления сексуальностью – одним из самых интимных явлений человеческой жизни? Дистанция, что до середины XIX века позволяла управлять дисциплинарными пространствами (конечно, не потерявшая своего значения и сегодня), перестала быть столь эффективной, как прежде, ибо интерес к управлению человеческим телом неизмеримо вырос и не может быть ограничен

³ Фуко М. Психиатрическая власть. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году / Пер. с фр. А.В. Шестакова. СПб.: «Наука», 2007, с. 27.

практикой исключения, запрета, «неусыпного контроля». Потребовалось допустить много большую свободу для человеческого тела, но одновременно не потерять над ним контроль. И контроль посредством сексуальности оказался одним из наиболее действенных из тех средств, которыми стала располагать власть.

3. Ж. Делёз дает следующее описание диспозитива: «...переплетение нитей [клубок, *écheveau*], мультилинейный ансамбль, он образуется из линий различной природы. И эти линии в диспозитиве не обрисовываются или подчиняются системам, каждая из которых была бы, со своей стороны, гомогенна объекту, субъекту, языку и т.п., но следуют направлениям, оставляют после себя следы процесса всегда неравновесного, и линии эти настолько сближаются, насколько удаляются друг от друга. Каждая линия прерывиста, подчинена вариациям направления, расщепляющимся и разветвленным, зависимым от дериваций. Объекты видимые, высказывания сформулированные, силы в действии, субъекты в позиции...»⁴

⁴ Michel Foucault Philosophe. Rencontre Internationale. Paris 9, 10, 11 janvier 1988. P.: Seuil, 1989, p. 185.

⁵ Своеобразие позиции Делёза заключается в том, что он пытается представить метод диспозитива власти ретроспективно и применить ко всем этапам становления мысли Фуко. Так, диспозитив оказывается почти ни в чем неотличим от ризомы-карты. Вместо фигур, дистанций, границ, разрывов, «пустот» и т.п. (чисто пространственной терминологии, использовавшейся Фуко) Делёз вводит игру линий, ничем не ограниченную, имеющую мало отношения к фукианским темам «истины». Применявшиеся Фуко *диспозитивы* весьма условны: например, технологии «изоляции» (1962), «технологии пыточной казни» (1973), «паноптическое видение» дисциплинарного пространства (1975) или же археология «медицинского взгляда» (1967), включая диспозитив сексуальности (1976), – и тем не менее все они определялись стратегиями видимого/невидимого и значительно меньше отношением высказанного/невывысказанного. Ср., например: «Ризома – это антигенеалогия. Ризома – это краткосрочная память, или антипамять. Ризома действует вариацией, экспансией, завоеванием, захватом, прокалыванием. <...> В противовес центрированным (даже полицентрированным) системам, иерархической коммуникации и предустановленным связям ризома – это ацентрированная система, не иерархическая и без означающего, без Генерала, без организующей памяти или центрального автомата, определяемая только циркуляцией состояний» (*Deleuze G., Guattari F. Mille plateaux*. P.: Minuit, 1981, p. 32).

На первый план выходит линейность, множественная линейность, то, что Делёз (вместе) с Ф. Гваттари разрабатывал как *ризоматический* принцип организации гетерогенного (множества)⁵. В таком случае диспозитив оказывается устройством, производящим линии, то есть высвобождающим линию. Диспозитив в качестве карты. Все линии в ризоме «спутываются», разветвляются, обмениваются энергиями и импульсами, которыми движимы; убыстряются, возмущаются, останавливаются, перескакивают с одного уровня на другой и т.п. Однако больший интерес вызывает не Фуко-картограф, а Фуко-архитектор, художник, писатель: как он обустроивает свои «пространства», рисует «картины», как пользуется «языком», чтобы удержать то и другое – все, что ускользает, – в едином ходе повествования. И эти искусства, на основе которых Фуко рассказывает историю, служат одной цели: обнаружить *фигуру невидимого в ее невидимости*, ответить на вопрос, почему она *невидима*. Диспозитив, конечно, *линеарен*, но идеальная точка всякой линии подтверждается наличием фигуративного пространства (или риторикой невидимого). Линия не обрывается в точке, не перепрыгивает в другую линию, чтобы избежать остановки, скорее замыкается на себя, чтобы образовать фигуру. Не игра «освобожденных линий», а *кон-фигурация*, не возврат к грамматике и логике старых риторических правил, но обновленная риторика дискурса «истины». Размышляя о «диспозитиве», Делёз ничего не говорит об этом особом свойстве линии вызывать фигурацию пространства, ведь линия затем и нужна, чтобы открыть в видимом невидимое, замкнуть его на себя, создать театр фигур, наделяемых значением (профили, отражения, цепочки следования).

ДИСТАНЦИЯ

4. В каждом диспозитиве – доминантная *дистанция*, с помощью которой разделяют, присваивают, сближают тела. Появляются новые возможности контроля: обновленные инструменты власти, будто слегка касающиеся тела, скользящие размеренно и непрерывно, запутывают его в паутину оптических ловушек, манипули-

рующих им и надзирающих. Всюду игра дистанций, малых и дальних, сближающих или заманивающих. Дистанция – это сила взгляда. Глобальная смена дистанций исторична; она говорит нам о смене позиций власти по отношению к человеческому телу и его окружению. На основе дистанцирования формируются технологии «захвата» тела. Дистанция – это именно тот «жест изоляции», к которому прибегает Разум как последней мере в борьбе с безумием. Чуть ранее этот жест называли «жестом изгнания»⁶. Это жесты настолько же навязчивые, насколько вера в них безмерна и никогда не ставится под сомнение. Разум «изнутри» себя находит возможности объективировать часть самого себя как помеху, ошибку, недостаточную разумность, а то и просто как неразумие, – это и есть практика дистанцирования. Превращение в нечто объектное того, что недавно было частью природного процесса. Дистанция теперь – это приговор.

ФИГУРЫ

5. По мере чтения «Истории безумия в классический век» или «Надзирать и наказывать» можно заметить, как растет, словно снежный ком, коллекция типов, собираемых Фуко: «развратник», «расточитель», «гомосексуалист», «колдун», «самоубийца» «либертен». Или вот типы морального плана: «чревоугодник», «нечестивец», «гордец», «сластолюбец», «венерик», «мнимая ведьма», «алхимик». Одни из них, не покидая сцену, уходят в тень, а другие, напротив, становятся не просто видимыми, но объектами внимательнейшего изучения – пребывают «на полном свету». Черета проходящих фигур преступления и казни, дисциплинарных, эротических, фигур удовольствия, перверсии, тайного порока и составляют театр-паноптикон Фуко. Диспозитив организует прост-

⁶ Ср.: «...установление этой дистанции вовсе не означает свободы для знания, для его света и не является просто способом расчистить пути познанию. Дистанция создается вследствие проскрипционного процесса, который напоминает и даже частично повторяет процесс изгнания прокаженных из средневекового сообщества» (Фуко М. История безумия в классическую эпоху / Пер. с фр. И.К. Стаф. СПб.: «Университетская книга», 1997, с. 118).

ранство/время для любого из тел, чью чувственность необходимо преобразовать в зависимости от общей властной стратегии данного общества. Диспозитив – это вид зеркального устройства, то есть определенное *со-расположение* зеркал, позволяющее захватить то, что остается невидимым для нас – наши тела, создать фигуру. Именно поэтому мы можем видеть невидимое, но не потому, что оно действительно становится видимым; мы видим невидимое – образы телесности – вопреки их изначальной невидимости. Диспозитив дает нам не реальный образ тела, а фигуру или кон-фигурацию тел, но фигура не имеет ничего общего с телом, которое мы называем «своим» или «чужим», приписывая ему «реальное» существование наряду с другими телами. Тело в качестве достоверного постоянно ускользает, однако с помощью диспозитивных «захватов» мы можем проследить его путь. Фигурация тела в диспозитиве – это видимое проявление невидимого в его невидимости. Видеть невидимое (в качестве невидимого) – это и значит размещать между тем, что видимо, и тем, что невидимо, фигуру, которая и делает возможным их временный союз⁷.

6. Фигура безумия (как, впрочем, и любая фигура) – не перестает напоминать Фуко – прежде открывается посредством ее *возможной* социальной видимости. «Безумие существует столько, сколько оно остается видимым»⁸. Однако фигуру нельзя свести к определенному социальному типу, отторгнутому от общества, исключенному из человеческих связей, подавленному и репрессированному. Это лишь то, что видимо. Есть и другая сторона, принадлежащая любой фигуре, погруженная в неясность и молчание, та часть, ко-

⁷ Понятия (термины) «взгляда» и «видимого/невидимого», которыми оперирует Фуко при анализе исторического опыта взаимодействия между властью и сексуальностью, он перенимает у М. Мерло-Понти. Вот, например, одно из определений последнего: «Смысл является *невидимым*, но невидимое не вступает в противоречие с видимым: видимое само имеет каркас невидимого, а не-видимое является тайным дубликатом видимого, оно являет себя только в нем...» (Мерло-Понти М. Видимое и невидимое / Пер. с фр. О.Н. Шпараги под ред. Т.В. Щитцовой. Минск: «И. Логвинов», 2006, с. 293).

⁸ Foucault M. Histoire de la folie à l'age classique. P.: Gallimard, 1972, p. 507.

торая «не говорит», но без которой мы не сможем понять видимое в его невидимых основаниях. Фигуры безумия могут быть поняты лишь в двойственности своего присутствия/отсутствия, видимости/невидимости. Действительно, почему именем для одного заболевания становится *ипохондрия*, для другого – *меланхолия*, а для третьего – *истерия*? То, что мы видим, и есть только то, что было высказано, но не увидено. Собственно, генеалогический проект Фуко движется к тому, чтобы понять, почему психическая болезнь обрела *имя* и тем самым получила власть над самим заболеванием.

Фигуры получают движение, как будто они *реальны*; на самом деле они остаются лишь не всегда удачными именами болезни, которая существует в ином измерении, *неименуемом*. Психическое заболевание невидимо, но имеет имя, видимую и слышимую, высказываемую часть (клиническое описание). Образ айсберга. То, что не поддается именованию, составляет социальную сущность болезни.

«ДОЛОЙ ДИКТАТУРУ ПОЛА!»

7. Нужно представить себе пол (*sexe*) в качестве сконструированного понятия и «идеологии», используемых для контроля над сексуальностью, ограничения и канализации всего спектра чувственных удовольствий. Нужно отвергнуть тысячелетнее господство идеи пола над сексуальностью. Следовательно, не сводить историю сексуальности к высшей инстанции пола, но показать, что понятие пола находится в исторической зависимости от сексуальности. Не размещать пол на стороне реального («естественного чувства»), а сексуальность на стороне неясных идей и иллюзий; сексуальность как историческая фигура – очень реальная, и это она с необходимостью побуждает понятие пола к его функционированию в качестве спекулятивного элемента. Не стоит верить тем, кто говорит «да» полу и говорит «нет» власти: следует, напротив, двигаться к полному описанию диспозитива сексуальности. Извлечь выгоду из противостояния захватам властью тел, удовольствий, знаний в их множественности и возможном со-

противлении. Опорой в этой контратаке не должен быть принцип *пола-и-желания*, но другой – *тела-и-удовольствий*⁹.

8. Контратака Фуко носит характер продуманной стратегии, он атакует формы представления, определяющие отношение к сексуальности. Учреждение закона пола есть историческое событие – не данность и не факт, с которым нам надо смириться и который бессмысленно обсуждать. Что может быть радикальней, чем гипотеза, отвергающая могущество пола как Закона¹⁰? Иными словами, существует нечто, что делает понятие пола понятием, но само остается в тени его и как бы его следствием: это диспозитив сексуальности. Последовательность взаимодействия власти, пола и сексуальности такова: власть действует в пределах диспозитива сексуальности, точнее, она его создает и оформляет в целую систему сложных и обратимых отношений, которые преобразуют всякий отклоняющийся или «одинокий» опыт сексуальности во всеобщий принцип сексуального поведения, представляющий в виде закона пола¹¹.

⁹ Ibid., pp. 207–208.

¹⁰ Ср.: «Не следует воображать себе автономную инстанцию пола вторично производящей множасьщиеся эффекты сексуальности на долгом протяжении ее поверхностного контакта с властью. Пол, напротив, элемент более идеальный, спекулятивный, более внутренний также по отношению к диспозитиву сексуальности, который власть организует в этих действиях над телами, их материальностью, силами, энергиями, опущениями, наслаждениями» (*Foucault M. La volonté de savoir*. P.: Gallimard, 1976, pp. 204–205).

¹¹ Ведь мы не должны забывать, что термин «сексуальность» (чуть ли не приравненный сегодня к другому – гомосексуальности) означает высвобождение определенной практики наслаждения (ср. с садовской). Другими словами, нет никакой внешней принуждающей и насильственной силы, которая его бы ограничивала (предвзвешивала, страхами семьи, публичностью, законами и, наконец, смертью). Сексуальность – это победа над полом, причем безоговорочная. Поэтому под удовольствиями мы и должны понимать нечто выходящее за границы традиционных, «наследуемых» ценностей общества. Эксперимент и вся практика современной сексуальности устремляются к по-

9. Отдельное тело, послушное диспозитиву *власти*, теряет свои физиологические, пространственно-временные и анатомические функции; теперь его индивидуация будет зависеть от тонкого, обширного и разветвленного перемещения сил власти по всей поверхности тела. Микрофизика власти иногда кажется в своем действии чем-то вроде «животного духа»: все эти мельчайшие корпускулы, вирусы, частицы, атомы, образующие необозримые сети отношений между телами и их удовольствиями, подвешенные, быстрые, скользящие и неуловимые, в нескончаемом роении вокруг определенных трансгрессивных зон социального тела, которые они

иску особых удовольствий от жизни (во всяком случае это касается развитых западных обществ). Благодаря более эффективным средствам контрацепции женщина освободилась от гнета «смерти», обрела сексуальность как особое качество жизни – новую степень личной свободы. «Для женщин – и отчасти для мужчин, хотя и в ином смысле, – сексуальность стала потенциальной собственностью индивида, поддающейся обработке и открытой для формирования различными способами» (*Гидденс А. Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах* / Пер. с англ. В. Анурина. СПб.: «Питер», 2004, с. 54). Естественно, что семья, «органичность и необходимость» репродуктивной функции, потомство, разделение полов, семейно-родовые связи, наследования, – все это отступает на задний план по сравнению с тем могуществом, которое женщина обретает.

же сами возбуждают, заражают своей случайностью и неупорядоченностью. Запрет всегда сопровождает нарушение его неизменным двойником: одно преследует другое, укрепляя или ослабляя силу того и другого. Запрет обрывает возможности его нарушения, нарушения, в свою очередь, разнообразят технику и искусство запрета – нескончаемый процесс совершенствования. И, конечно, социально признанные институты распределения боли (психолечебница, клиника, тюрьма) явно неэффективны в том, чтобы контролировать сексуальные удовольствия и устанавливать необходимый порядок запретов с точки зрения допустимой нормы. Великая синергетика греха, поскольку удовольствие больше не может быть «остановлено» распределением боли, ибо сама боль включена в практику получения удовольствий. И традиционные дисциплинарные институты еще пытаются распределять боль от имени Закона, боль, которую, как они полагают, невозможно эротизировать, боль нейтральную и безразличную. Боль, которая якобы причиняется без удовольствия от боли – а это боль, исходящая от Закона.

Комментарий 1

Вот так может быть составлена *карта*¹² диспозитива сексуальности; на ней отмечаются пределы, которые вспыхивают и постоянно смещаются, оставляя после себя следы своих смещений – эти необычные спиралевидные кривые, которыми и движется трансгрессивная волна сил. Трансгрессия постоянно утверждает предел, отрицая его; этим позитивным, утверждающим отрицанием она прокладывает себе путь. Линия предела распадается на пульсирующие, то там, то здесь вспыхивающие пунктиры ее разрывов, и как только

¹² Наша карта похожа на войсковую диспозицию и как будто отступает от паноптического видения Фуко. Но это не так. Изменяется лишь масштаб применимости стратегий видимого/невидимого. Теперь за ними нет архитектурного или клинического локуса. Это карта-диаграмма, она демонстрирует дис-позицию основных сил в единстве взаимодействий. Не следует забывать, что диспозитив – это все же метод понимания, а не метод репрезентации, допустим, архитектурного целого или конкретного механизма контроля и надзора.

трансгрессивное состояние теряет свою мощь и начинает остывать, на ее месте утверждается предел, быть может еще более устойчивый и непроницаемый, чем прежде. Европейская культура в течение последних трех столетий достигла высокого искусства создавать все более гибкие и точные системы запретов-пределов, действующих *превентивно*, с учетом будущего возможного эксцесса и его интенсивности. Я бы сказал, что она больше не отторгает от себя трансгрессивные состояния, но впитывает их как губка, «размягчая», перенаправляя их разрушительную, опасную энергию в уже готовые полифункциональные (капиллярные) системы запретов. В сущности, сегодня трансгрессивному состоянию противопоставляется не запрет, а другое трансгрессивное состояние. Запрет, чтобы быть эффективным, должен опережать трансгрессивное состояние и, следовательно, быть «мягким запретом». Технологии и орудия «захвата» трансгрессивных состояний постоянно нуждаются в трансгрессивной энергии, чтобы не дать ослабнуть, «остыть» чрезвычайно усложненным системам запретов-пределов. Если я правильно понимаю ход мысли Батая–Фуко, то *трансгрессия* – *ничто без предела*. В сущности, она его и устанавливает. Черта-граница и сила, ее нарушающая: первое зависит от второго, второе от первого. Дальше нельзя, здесь граница, предел, «последняя черта», если нарушишь, то пеняй на себя... Может быть, все дело в том, что действующая сила всегда несоизмерима со своим пределом, и чтобы проявиться, она должна превзойти границы, ей полагаемые. Прошлый трансгрессивный след стал ее новым пределом. Трансгрессивное состояние – это экстатическое состояние, «выход-из-себя», временная отмена всяких границ и пределов. Но оно становится возможно (вновь следует заметить) когда устанавливается предел, который силе надо будет превзойти. В бес-предельном пространстве действие силы никак не могло бы себя проявить, и трансгрессия была бы невозможна. Далее, если мы будем понимать под трансгрессией только переход из одного состояния в другое, то в таком случае это объясняет ценность предела, который контролирует равновесие между формой и энергией (силой), необходимой для ее воспроизведения и устойчивости во времени.

Комментарий 2

В замечательной книге «Безумие и неразумие. История безумия в классический век» (1962) Фуко дает анализ запрета-предела, направленного против носителей безумия или против тех, кто мог подпасть под эту «клиническую норму» в эпоху Ренессанса (а это не только «истинные» сумасшедшие и больные, но и дебоширы, пьяницы, бродяги, нищие, преступники и т.п.). *Stultifera Navis*, «корабль дураков», на котором отправлялись в свое бессрочное морское путешествие все те, кто был признан безумным магистратурой или «населением» отдельного города, селения, религиозной общины. Не буду вдаваться здесь во все психологические или мифологические детали этого удивительного события (да и существовало ли оно как исторический факт так, как его описывает Фуко), остановлюсь, с моей точки зрения, на самом важном: как действует предел, исключаящий безумие как вид опасной трансгрессии. Тот, кого называли безумным и заточили в корабль, как в тюрьму, получает свободу для проявления собственного безумия: «...его исключение должно включить его, и он не должен и не может иметь иной тюрьмы, кроме этого самого порога, он удерживается в точке перехода, он – «заключенный перехода», ибо никогда не достигнет берегов Разума и не вернется к тем берегам, где он был осужден на безумие другими людьми. Он – всегда *между*, в самом переходе и на пределе существования всех тех свобод, которыми может располагать только безумие, чтобы выразить себя и быть самим собой, а это значит в свою очередь, что он располагается *внутри предела*, внутри самого акта его опознания в качестве безумного, ведь его свобода жить так, как он хочет, сведена к бессрочной навигации кораблем, в который он помещен, бесконечности всех тех дорог, что пересекают океан во всех направлениях¹³. Хочешь быть безумным, хочешь упорствовать в своем грехе и слабости, будь им, но никогда не покидай пределы собственного безумия. Этот жест изгнания лишь подчеркивает непостижимость безумия и страх перед ним.

¹³ Foucault M. Histoire de la folie à l'âge classique, p. 22.

Комментарий 3

Принято считать, что нарушение запрета есть акт удовольствия. Ведь элементарная функция запрета всегда была трансгрессивна: запрет всегда опережает, его мы находим даже в том, что называем свободным пространством жизни (конечно, не запрет как таковой, а его «след», след борьбы сил, высвободивших это пространство). Его застают, на него наталкиваются, и он, в силу того, что постоянно опережает желание его нарушить, оказывается непостижимым в своем первоначальном утверждении. Но это не значит, что его первоначальная непостижимость может препятствовать его нарушению; как раз напротив – непостижимость влечет к себе, она сохраняет в себе тайну его изначального нарушения, благодаря которому запрет и стал запретом, тайну удовольствия от его нарушения. Но мы никогда не встречаемся с запретом один на один: чтобы действовал хотя бы один запрет, должно быть уже многое запрещено, запрет поддерживается запретом, от одного к другому по всей непрерывной цепи разветвляющихся, дублирующих и отменяющих друг друга запретов, приводящей в конечном итоге к запрету всех запретов, великому Запрету, что имеет имя Бога. В постоянстве нарушения запретов мы можем наблюдать, как функционирует желание ребенка, устремленного к получению удовольствия от любого своего действия; он как бы пребывает, в силу своего «неразумия», где-то на грани безумия, в бытии-без-Бога и Закона. Запрет оказывается в центре детской игры, именно он питает трансгрессивную активность ребенка, цель которой неизменна – получение удовольствия. Запрет – лишь трамплин для возбуждения сил желания. Можно зафиксировать «точку начала» в этом взаимодействии запрета и его нарушения, тот неуловимый и ускользающий момент, где запрет еще не стал запретом, не занял «свое» место и не выстроил все удовольствия от нарушения по рангу. Еще нет возможностей для преследования тех, кто нарушает запреты и превосходит пределы, кто ценит трансгрессию; сам акт нарушения выше, чем то, что им нарушается. Парадоксальная ситуация: тело

должно постепенно исчезать в стратегической игре удовольствий как ограниченный по своим психофизиологическим и физическим функциям объект, которому мы принадлежим, но которым не владеем. Мы должны всегда пересекать границу своего «объектного» тела, чтобы получить удовольствие. Мысль Фуко: нельзя ли поставить вопрос о самом теле, которым мы владеем и которому принадлежим, не является ли оно «изобретенным», придуманным, как бы спроектированным на нас из определенного социального и культурного опыта, из той системы запретов, которые его организуют? И если это так, то не следует ли анализировать систему запретов-пределов, присущих определенной эпохе, с точки зрения трансгрессии? В таком случае нам может открыться другая история тела, погруженная в молчание еще и сегодня, которая, может быть, объяснит нам, как наше тело стало объектом политической стратегии, почему оно каждый раз заново изобретается, прежде чем мы могли его присвоить.

10. Решающее изменение: «вторжение» диспозитива сексуальности в традиционную семью, приведшее к изменению столь радикальному, что семья, в которой фактически была сосредоточена вся совокупность сексуальных норм (допустимых), утрачивает регулятивные функции в деле репродукции. Пространство семьи открывается для контроля власти над сексуальным поведением. Опыта, которым владела семья как атомарная структура социальности (муж – жена, родители – дети), теперь недостаточно, чтобы управлять различными видами «сексуальностей». Диспозитив сексуальности устраняет систему кровнородственных отношений, фиксируясь исключительно на сексуальности отдельного индивида, исключаящего себя и собственные пристрастия из семейных отношений. И если семья, по выражению Фуко, – это «кристалл в диспозитиве сексуальности»¹⁴, то действие диспозитива может и должно объясняться явлением дифракции сексуальных функций. В диспозитиве функции отражаются, как грани кристалла. Каждая из отраженных граней может соответствовать фигуре-персонажу, на-

¹⁴ Foucault M. La volonté de savoir, p. 146.

делиться определенной сексуальной ценностью. Вместо старой семейной сцены, где сексуальные отношения регулировались внутренним законом, появляется иная сцена, с новыми персонажами: «неврастеничка», «фригидная жена», «мать, лишенная материнских чувств», «муж-импотент с садистскими наклонностями», «дочь-истеричка», «юный гомосексуалист, отказывающийся от брака», и т.п.¹⁵. И все это фигуры сексуальности, уже осужденные на аномальность, разом возникающие из недавнего небытия в семье. Тогда повсеместно утверждаются четыре фундаментальных стратегических ансамбля современной сексуальности: *истеризация женского тела, половое воспитание ребенка, социализация функций продолжения рода и психиатризация перверсивного удовольствия*¹⁶. Эта новая сцена, на какой себя представляют новые фигуры сексуальности (полную номенклатуру этих отклонений можно найти только у Крафт-Эбинга да у Сада), находится *внутри* новой машинерии сексуальности, которая функционирует, опираясь на систематическое исследование сексуальных аномалий, причем настолько детальное, что понятие сексуальной нормы оказывается под угрозой исчезновения, и единственное, что не дает ей полностью исчезнуть, – это закон *пола*. Именно этот закон, как полагает Фуко, и изобретает власть, чтобы создать мир новых сексуальных поведений.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid., pp. 137–138.